

АССОЦИАЦИЯ СПЕЛЕОЛОГОВ УРАЛА

Бюллетень АСУ №19

КРУПИЦЫ БЫЛОГО

(Как это было)

©ЕВДОКИМОВ С.С.

ПЕРМЬ - 2005

Оглавление

1	Оглавление	2стр
2	От автора	2стр
3	Июнь 1970года	3стр
4	КАРПАТЫ, 14 СЕНТЯБРЯ 1970г.	4стр
5	КАРПАТЫ, НОЯБРЬ 1971г.	6стр
6	1 ЧАС. 1 СЕНТЯБРЯ 1976 года.	8стр
7	1979год. Гремящий	9стр
8	Голубое озеро	13стр
9	Поньш. Ноябрь 1979 года	17стр
10	Год 1980	19стр
11	Август 1981г.	20стр
12	18 августа 1981г.	21стр
13	Огонь вода и медные трубы	23стр
14	16 часов спустя	25стр

От автора

Стаж моих занятий спелео слегка перевалил за соток лет. Счет этот, я полагаю следует вести с того знаменательного момента в 1962 году, как три пацана лазавшие в поисках приключений по окрестным горам составили свой первый план подземелья, среди аборигенов звавшегося просто «шахта на Лысой горе». Стоит ли говорить, что чувствовали мы себя никак не меньше Колумба, Крузерштерна, Пржевальского или Арсеньева читать которых мы наверно еще не читали по причине отсутствия их книг в библиотеке, но слышать— читать ли о которых доводилось и не раз(в том числе и в знаменитой рыжеей детской энциклопедии).

Чуть позже (1963г.) мы познакомились с настоящими туристами-альпинистами общение с которыми содрало пизжонскую шелуху(в нашей среде не было худшего оскорбления чем прослыть пизжоном) которые и привили мне дурную привычку иногда записывать для памяти(?) некоторые события приключившиеся в наших перемещениях по(и под) земной поверхностью..

После службы в Армии судьбе было угодно занести меня на Урал(1970г), где довелось поучаствовать в создании Пермской спортивной спелеосекции и где у меня появилось множество друзей с которыми довелось пережить множество событий, память о которых сохранилась в походных блокнотах.

В этом выпуске Бюллетеней АСУ посвященном 35 летию Пермской спортивной спелеологии некоторые из тех записей. Которые я посвящаю ВАМ моим товарищам и спутникам.

Искренне ваш Сергей Евдокимов

Компьютерный набор и верстка – Евдокимов С.С.

Макет и редактирование: Евдокимов С.С.

Июнь 1970года

Это было в Карпатах. Лазили мы по пещеркам скалы ВИВ, что в Угольском карстовом районе, усеявших ее словно дырки в голландском сыре.

Публика подобралась вся практически из новичков, а я исполнял при них обязанности руководителя, проводника и справочного бюро.

Как всегда, в подобных случаях возникает масса возможностей для незлобивых пუток и розыгрышей. И когда в пещере "Белых стен", "вдруг" обнаружился ход ведущий неизвестно куда, то вопрос к "справочнику" звучал вполне тривиально:

- А куда он ведет? - стандартным был и ответ:

- А ты посмотри, там продолжение.

Я знал, что выводит он в соседнюю пещерку "Великолепную", правда через два "ужасных шкуродера". Отправляя туда вопрошающих, я предвкушал изумление которое неминуемо вызову своим появлением. "То-то будет ахов и охов" - думал я, обходя скалу снаружи и протискиваясь к месту засады.

Пристроился в глубокой нише, прикрытой большим сталактитом, у самого хода в "Белоснежную" - рукой до противоположной стенки достать можно. Свет погасил. Жду.

Вначале только тихий гул голосов доносился. Минут через пять появилась Нина Величко, энергично двигая локтями, рвется к виднеющемуся впереди расширению...

Писк удивления, восторженные взгляды - приятная щекотка самолюбию. Перекинулись двумя тремя фразами. Уяснил, что ползущая следом Евгения кажется застряла и ее не мешает помочь. Выбираюсь из своего укрытия и ползу на подмогу.

Продвинувшись метра на два, краем зрения замечаю яичную скорлупу. Лежит себе половинка скорлупы от выеденного яйца, вызывающе белея на фоне желтоватых стен.

Про себя возмущая: "Какой дурак здесь яйца ел?" Только вижу - не скорлупа это вовсе. Лежит оторванный бутон белого тюльпана. Если бы встретил на тропе лягушку, попросившую закурить, изумился бы меньше.

Лихорадочно пытаюсь сообразить: "Кто мог подстроить такую шутку? Нинка только что проутюжила это место. Женька еще только карячится, вон как пыхтит. Боковых ходов нет. Кто же? И где только его откопали." Пока все эти мысли толкались под каской, обратил внимание, что тюльпан-то восково-белый. Вроде как из воска слеplено. Подлез вплотную: в самом деле цветок, но не тюльпан.

Без лепестков. Вся чашечка - единое целое, как фарфоровая, но живая. Там где должен быть стебель - крохотный буторок касается камня и бледно молочное пятно на нем, причем видно, что все это единое целое и принадлежащее ПЕЩЕРЕ.

И тут пьянящая радость охватывает меня: "Вот это да! Вот это находка! А друг нечто неизвестное науке. Ведь ничего подобного в литературе не встречал." Окликаю Нину:

- Нин! Ты тут ничего интересного не видела?

- Нет. А что?

Без сил ложусь на пол: "Это надо же? Ведь только по счастливой случайностью не втоптали в глину, не уничтожила его. Но какова девица? Пропустить такое? Где глаза-то были?"

- Ты куда так неслась? Ты посмотри, что пропустила!

- А ну покажь. - Я продвигаюсь вперед, освобождая место, и тут увидел... еще один цветок. Дальнейшее помню смутно. Кажется изображал квочку, что-то кричал. Только вскоре сюда набилась вся группа. Все хотели посмотреть, все хотели потрогать. По лицам ребят блуждали счастливые улыбки. Такими я их еще не видел.

Аборигены, которых мы пытались расспрашивать, сходу, похоже, придумали легенду про коварных шпионов, якобы посадивших их на могиле погибшего в перестрелке с пограничниками собрата.

Мы сфотографировали это чудо, сделали рисунки. Потом заспиртовали. Письмо с описанием происшедшего с фотографиями и рисунками направили в редакцию Журнала “Наука и Жизнь”. В ноябре пришел ответ за подписью Гарибовой. Его можно прочитать во втором номере журнала за 1971 год.

Да, этого в пещерах не видел никто. Но это не цветок. Скорее всего гриб. Только споры гриба способны развиваться в темноте, образуя причудливые творения.

Вот так. Грустно немного. Я вспоминаю лица друзей, вспоминаю пережитое потрясение и опять, в который раз из кладовки появляется ворох всякого "барахла" и опять тянет куда-то. Ведь право же стоит тянуть ляжку своего потертого рюкзака, чтобы испытать это.

Июль 1971 - ноябрь 1980.

P.S. А в отчете о той экспедиции история эта озаглавлена так:

Цветы шпионов или удача оборванцев в касках.

КАРПАТЫ, 14 СЕНТЯБРЯ 1970г.

Темно, только где-то вдали раздаются голоса ребят. Опускают Женьку. Сейчас она подойдет, и начнется то, что называется топосъемкой подземной полости. Теперь это открытая полость, а еще восемь часов назад мы не знали, то нас ждет внизу.

Начинался обычный день в нашем лагере на склонах Карпатской горы Вежа. Завтракали шутили, строили предположения. Кто-то бросил: “Упорная!” Упорная? Да, теперь это уже название, принятое нами. А когда-то были слухи: “Есть новая дырка, колодец метров 15, сверху все сыплется, пробка из камней и глины, бросишь камень - летит метров сорок и гудит”.

Первое наше знакомство состоялось летом этого года. Мы стояли перед небольшой дырой. Внизу виднелось дно, и только в углу чернело небольшое отверстие да слышался стук брошенного камня. Через полчаса мы знали, что до пробки десять метров вертикали, и что закрывает она не весь колодец, оказавшийся довольно длинной и узкой щелью, а только самое широкое место его, расположенное под входом. Это дало возможность оценить объем завала в 0,7 кубометра. НИЧТОЖНЫЙ объем из обломков породы, листьев и глины и нормальных условиях работы на час. Но когда стены дают тебе место только для того, чтобы повернуться одним боком, когда единственной точкой опоры является пробка, которую надо разобрать, а за воротник комбинезона цепит со снайперской точностью струйка воды, бьющая из расселины — работа не кажется легкой. Понадобилось почти двадцать часов, чтобы убрать преграду и продолжить путь. Да и то последний камень в 25 кг. весом мы убрали только вчера, 13 сентября.

Дальше? Дальше нас ждала еще одна пробка, да и колодец сужался до ширины ступни. Зато слева, если протиснуться, цепляясь за стены, по щели, метра на два над пробкой, щель переходила в трубу, уходящую вниз, “по близок локоть, да не укусишь”. Путь к трубе преграждали два скальных ребра, и прошло еще два часа, пока удалось взяться руками за края трубы. но это было уже в понедельник 14 сентября, в начале последних десяти часов нашего штурма.

На этот штурм нас уходило четверо; Всеволод Владимиров, Кубиний Владимир, Черноок Женя и я. Для троих из это было первое первопрохождение, в остальном все шло, как учили.

Когда удалось добраться до трубы, то оказалось, что протиснуться в нее не дает скальный гребень. Пройдено только три метра и опять препятствие. Полчаса работы молотком — и путь свободен.

Свободен, но только лишь на следующие три метра. Дальше труба сужалась до таких размеров, что пролезть туда могла бы только изящная туфелька Золушки, но не наши бранные тела. Труба отчаяния или труба надежды?

Когда внимательно исследовав поверхность ее, вдруг обнаружили трещину, а за ней еще одну вертикальную трубу, хоть отделена она была от нас двумя десятками сантиметров породы, - радости нашей не было границ. Еще два часа работы молотком в узком пространстве остающемся от лица до камня, с неестественно прижатой рукой и зажатыми в расщелине ногами, и щель, через которую можно протиснуться извиваясь всем телом минут 15 (способ передвижения, известный под названием “пресмыкание”) готова. Можно, наконец, встать в полный рост, по-человечески осмотреться. Колодец наклонен, на стенах причудливые головы дивных зверей, выточенные водой из известняка. Вниз уходит щель, которая (опять, и уже в который раз за этот день) сужается, но ровно настолько, сколько нужно чтобы с трудом пропустить самого хлипкого из нас.

Если выдохнуть воздух, а еще лучше обрубить вот эти гребешки, то получится проход достаточный и для большего из нас. И самое главное, внизу, метрах в 8 просматриваемся горизонтальный ход и видно дно. И еще, мы, наконец-то, можем собраться вместе. Пусть тесно, но какой радостью сняют перемазанные глиной лица ребят! Кто-то говорит: “Жень, а ты цветешь”. И тут оказывается что цветом мы все, и что мы все хотим дальше, вглубь.

Семь метров вниз. Горизонтальный ход метра полтора шириной, в обе стороны заканчивается колодцами. Правый вверх, а левый вниз. Несколько камней в сторону и вперед. Довольно круто уходит вниз стена зала. Вверх летит восторженный вопль — и я скатываюсь вниз.

Первое впечатление — ПРОСТОР. Такой простор после узких щелей, после бесконечного мелькания перед глазами стен и трещин, когда начинает казаться, что до любой точки в этом мире можно достать вытянутой рукой, вдруг оказывается возможным стоять во весь рост и даже бегать. На стенах зала множество натеков, сплелись причудливо сталактиты, и все покрыто, как ковром, слоем глины. Сажусь прямо на пол, у струящегося под стеной ручейка и выключаю свет.

Темно. Только где-то вдали раздаются голоса ребят. Опускают Женьку. Сейчас она спустится сюда, в мир, еще минуту назад не знавший, что такое свет, и мы начнем снимать топографический план нашей шахты. Теперь это уже наша шахта. И что из того, что длина ее ходов не достигает ста метров, а глубина всего 25 метров. Мы будем приходить сюда как к себе в дом, но уже не повторятся эти часы напряженного труда, и, может быть, будет труднее, но это будет во второй, третий, двадцатый раз. Спасибо тебе “Упорная” за подаренную радость первого открытия. Спасибо — за твой характер. Мы стали сильнее. Мы преодолели тебя.

А в лагере, всего в полусотне метров от входа, горит костер. Его неверный свет освещает силуэты Севки и Жени. Они уже вылезли, и теперь я страшно поднимающегося Володю, все еще пыхтящего под землей. Он близко, но что-то не ладится у него там, а я в предчувствии близкого отдыха, предстоящего ужина начинаю торопить и подтягивать его. А в благодарность из-под земли летят проклятья.

Лунная южная ночь вокруг. Огромные стволы - буков сказочно расплываются на фоне пятнистосерых скал. Воздух кажется напоен призрачным светом, заплывавшим в листве, зыбко и неверно проливающимися на землю, порождающим тени и призраки. Мимо воли проникаешься чувством первобытного охотника, населившего душу все, что видел глаз.

Проходит вечность, пока из треугольного входа, наконец, появляется голова в каске. Луч фонаря разгоняет роившиеся тени. И на свет божий появляется нечто ужасно грязное, даже отдаленно не напоминающее нашего сердцаеда и франта Кубиния. Висят ключья комбинезона, все перемазано глиной, и нет ничего кроме сверкающих восторгом под козырьком каски, глаз.

— Саkra, та нэ тягны ты так.

На радостях выдергиваю его как пробку, кажется пещера даже вздохнула облегченно, но мы уже сматываем веревку и торопимся к костру, к друзьям.

Нас весело встречают, помогают сбросить пудовые вериги измазанных комбинезонов.

Жерди, на которые они падают для просушки, только обреченно потрескивают. Магнитом манит пламя костра, но во исполнение наших традиций, торопимся вниз, к ручью. Предстоит отдраивать наши физиономии, да и прочие части тела от глины — этой, слегка подсохшей, пещерной коросты.

Веками пробивал ручей себе дорогу среди скал. И вот теперь вода предоставила в наше распоряжение множество каменных ванн. В одной из которых мы и совершаем омовение после трудного, но счастливого дня в честь победы над пещерой.

Эти ежедневные омовения мы ввели еще летом, когда под собственные вопли бросались в студеные воды ручья, плескались, мылись и, ожесточенно растеревшись полотенцем, гордо шли к лагерю под завистливыми взглядами своих товарищей, зябко кутающихся в штормовки и натягивающих на себя свитера. Ты же рождаешься на свет заново. Таким образом мы “рождались” по два и три раза на день. Когда, проснувшись, выскакиваешь из теплого спального мешка, в зябкую тишину горного утра, такое омовение приводит тебя в боевое состояние, снимает озноб. Вечером же, смыв с себя пыль и пот дневных трудов, ты чувствуешь себя легко и чуть-чуть устало.

Вот и сейчас, воздав должное крепко заваренному чаю, мы лежим, тесно прижавшись друг к другу у костра, и под сонные переборы гитары вполголоса поем. Где-то там, в глубине, где, говоря, скрывается душа, легко клубится и поднимается вверх что-то ослепительно светлое, хорошее. Мир исчезает и остается только благодарность: Ручью — за то, что смыл пот и пыль; костру — за свет и тепло; друзьям — за верность и дружбу.

Писано глубокой ночью на подоконнике ж-д. вокзала ХУСТ

КАРПАТЫ, НОЯБРЬ 1971г.

Два дня шел снег. Он ложился на окружающие горы, на деревья, еще не полностью сбросившие свою листву, укрывал белоснежным ковром долины, и только горные потоки черными строчками перечеркивали его первозданность.

Завхоз школы-интерната, в которой остановились перед последним броском через два перевала к конечной точке маршрута, озабоченно качал головой: “То нэ добрэ. То повишь буде”. Повишь - наводнение, которые в Закарпатье бывают чаще, чем в других краях. Мы еще видели следы прошлогоднего июньского наводнения, вызванного недельным ливнем высоко в горах. Пастухи с полонины говорили: “То хмара за Говерлу зачэпьялась, та прольялася”. (Говерла — высшая точка Советских Карпат, 2061 м над уровнем моря.)

Проснулись мы, как и предвещал завхоз, под глухой шум ручья и звон капель. Ночью потеплело, намочивший снег осел и посерел. По склонам сочилась ручейки. А чистая вода потока вздулась порыжевшим пузырьем, и, тяжело ворочая камни, пенилась на каскадах.

Под сочувствующими взглядами, поварахи и шумной ватаги интернатских ребятишек мы собирали рюкзаки. Ничего не поделаешь, хоть и мерзкая погода, но отпуск подходит к концу, а в кармане уже лежат билеты на завтрашний поезд, до которого 100 километров дороги.

Под ногами чавкает снег, раскисший склон норовит сбросить нас вниз, а мы упрямо карабкаемся в гору. Гребень последнего перевала рядом, и мы торопимся выбраться на него, чтобы оценить ситуацию, в которую, кажется, попали по милости погоды. Десять минут назад встретился нам почтальон, который, узнав, куда мы держим путь, тяжело вздохнув доложил, что дороги нет, а по долине идет вода, и лучше сидеть дома и потчевать гостей сливовицей.

Идем вперед. Уже рядом три сосны, одиноко стоящих на самом перевале. Жесткие ветры обломали все ветки на их удивительно ровных стволах, и только на вершинах раздувается парусом несколько развесистых лап. Ни дать, ни взять — пальмы.

На самом хребте задерживаемся на несколько мгновений, чтобы обозреть панораму. Уведенное откровенно говоря радует мало. Вся неширокая долина реки залита водой, сквозь которую щетинятся вершинки прибрежного лозняка. Только у противоположного берега видна чистая вода очевидно отмечающая меженное русло. Здесь же гордо высится инженерное сооружение в обычных условиях играющее достойную роль подвесного моста соединяющего два берега потока. Сейчас и соединяет в одно целое два островка: побольше и поменьше. Который поменьше стоит вообще вплитык к берегу, на котором ограда огорода с приветливой калиткой, ладный домик под черепицей и веселый дым над трубой. Комментировать просто нечего. Определённость возможно появится, когда спустимся в долину.

Молча бредём по склону. Дорога приводит к зарослям, сквозь которые несется вся эта напасть в виде разлившейся воды.

Еще наверху, у почтальона Валера осторожно навел справки насчет моста. Один в 13 км. выше нас, другой в 8 - ниже. Автобус через два часа, последний). Задача!.

Однако вблизи картина не столь ужасна, как выдось с хребта

. Да вода вроде не так уж и глубока. Решение напрашивается единственное. Где-то под ложечкой тянет холодком...

Первый шаг — как в прорубь. Второй — вода выше колена, внутри пустота, кажется, летишь в пропасть. Рюкзак закидываю повыше на плечи (не промок бы). Третий шаг - вода почти по пояс, в ноги вшиваются тысячи игол. Про себя решаю, что, если дальше будет хоть чуточку глубже, то возвращаюсь на берег. Но нога нащупывает подьем, и дальше бежим по воде, не поднимающейся выше колена.

Вот и мост. Не слерживаемый кустарником ветер ревет, как в трубе, раскачивая это не очень основательное сооружение. Мокрые брюки мгновенно становятся колом, звенят и ломаются на каждом шагу. Обледеневший мост и ледяные ботинки, — кажется, я начинаю понимать, что чувствует корова на льду. Чудом проскальзываю по настилу и съезжаю на правый берег, вернее, на то, что осталось от него. Еще два десятка метров через второй рукав и мы у цели. Оглядываюсь: через мост, выдельвая танцевальные па, летит замешкавшийся вначале Кошкин. Куба уже гремит ботинками на крыльце первой же хаты.

Что бы сказали вы, если бы к обеду вдруг отворилась дверь и с грохотом влетело три здоровенных рюкзака на заросших мужиках, под которыми мгновенно набегают озера воды?

А в горнице пьянящее тепло печки, наваристый дух борща, изумленные хозяева за столом.

Через минуту уже шла оживленная беседа, выяснялись последние политические новости за рубежом, уточнялись цены на фрукты “у вас и у нас”. А еще через полчаса,

обласканные, сухие и сытые, мы сонно брели к автобусной остановке, тщательно обходя все встречные лужи, жуя яблоки, невесть как оказавшиеся в карманах наших штормовок.

Где-то, бесконечно далеко, ревел ветер, пенилась Теребля. Где-то там, в прошлом, оставалась и наша переправа.

1 ЧАС. 1 СЕНТЯБРЯ 1976 года.

Час, только один час из многих проведенных под землей. Восьмой час подъема из пропасти Киласи.

“Шаг, второй, третий; левая, правая, левая; а, черт! опять не схватил... Резче ногу в сторону. Уф! Хоть немного отдохнуть.

Вода — ноги в стенку: пусть льется мимо. Так. Теперь карабин на грудь повыше и повиснуть.

Бешено колотится сердце, молоточками отдаваясь в висках. Струящаяся по веревке вода, кажется, вымывает из заостренного тела последние запасы тепла. Опухшие пальцы не гнутся, да и сам человек напоминает больше робота, усвоившего единственную команду: вверх!

“Шаг, шаг, шаг, шаг; четырнадцать, пятнадцать... еще двадцать — и снова отдохну”.

Где-то сверху неясно маячит бледное пятно.

“Мирон... Его фара... Он на страховке... Тяни ее, тяни. А... черт, да тяни же ее!!! Наконец-то уступ!

— Что? Да нет, все в порядке. Не беспокойся. Я сам!

“Так, тросик сюда, болт сюда. Корпус. Корпус не уронить бы: черт его потом найдешь. В карман его... Дырка? Откуда здесь дырка? Вроде, нигде не рвал? А, ладно, не велика, не вывалится... Теперь второй туда же. Карабин перестегнуть к крюку. Теперь вытащить веревку... Что твой наждак!? Откуда на ней этот песок? Надо бы перчатки надеть—тяжелая же! Сколько ее тут? Кажется, сорок. Мокрая, двенадцатка. Десятка была бы полегче”.

От напряжения руки сводит судорогой. Движения вялые и плавные, будто боишься расплескать тепло, энергию. С трудом загалкиваешь бухту веревки в мешок. “Нап, мягкий, капроновый”. Снимаешь карабины, бросаешь туда-же. Все. Дальше горизонтальная часть. Пока ты вылезил, ребята перетаскали все мешки дальше. Хватаешь свой, и вдогонку. Поворот, поворот, поворот. Боком от стенки к стенке: грудь, спина, грудь, спина, грудь... “Наконец-то!”.

- Хорошо, пошел вперед.

- Мужики, дайте вздохнуть.

- Сколько мешков? Шестнадцать?

- Я один притащил... С моим семнадцать.

Шесть парней по очереди пролазят через груду мешков со снаряжением и, растянувшись цепочкой, начинают перекладывать мешки с места на место.

Шаг влево. Мешок. Три шага направо. В руки. Три шага налево. Мешок... Гора мешков позади тает и вырастает перед нами. И опять шестеро перелазят через свой завал. Мешок. Три шага направо. В руки. Три шага налево. Мешок... И так на протяжении полутора сотен метров.

- Стоп, приехали! - Небольшой зал. Груда мешков. Все в сборе. —«Кто-то уже лезет навверх? Пантя?... Прилечь бы... На мешки... Моя очередь».

- Серый, поддержи! - “Ух и льет”.

Стою, придерживая веревку руками, чтобы не дергалась вверх. Облегчаю путь вверх товаришу. Подергивания медленно затухают. Где-то над головой глухое бормотание голосов.

— Пришел?

— Да. Лови страховку! - Тупой, подвывающий свист.

- Крок!

- Пришла страховка! - "Карабин. Кулачок. Теперь веревку и корпус. Мокрая. Куда? С-с-судорога — на место!" Щелчок. "На месте... Теперь шпилька... Все!?" Шаг. Еще. Веревка тянется и пружинит, наконец, мягко подхватывает твой вес, и... Шаг. Шаг. Еще. Еще. Правая, левая, правая, левая... "Холодно".

Монотонно шлепаются сверху капли. Растекаются по комбинезону ледяными пятнами. "Что там наверху? Солнце. Тепло". Ноги сами перебирают метры веревки. Перед глазами серые в белых прожилках стены. В отчете напишут: "Известняк серый, темносерый до черного, тонкокристаллический с прожилками белого кальция".

Шаг. Шаг, другой. Левая, правая, левая, правая...". Идет девятый час подъема из пропасти Кнлси.

До поверхности еще два часа.

1979год. Гремящий

Узкая лента Кумыша(*), ворча и петляя, выписывает один поворот за другим, прорезая зеленые склоны отороченные каменным кружевом - скалами. Как в огромном калейдоскопе демонстрируя свои наряды: что ни поворот, то новая картина причудливей и затейливей прочих. Со слов случайного утреннего визави знаем, что в пяти километрах от нашей стоянки с левого берега впадает мощный приток:

- С горы идет и гремит. Гремящим и зовут.

У этого притока решили устроить обед, чтобы осмотреться и пройти по нему немного.

Мы - это маршрутный отряд экспедиции спелеосекции ВИВ и клуба туристов "Компас", по спелеологическому исследованию реки Чусовой и ее притоков.

Нас шесть человек. Мальцева Татьяна, Юркова Людмила, Лобанова Елена - топосъемочная часть нашего отряда. Курочкин Дмитрий и два Евдокимовых (отец и сын) составляют сильную половину и отвечают за все тяжелое. В нашем распоряжении, созданное из досок и двух зилловских камер, плавсредство.

Сегодня утром, это последнее слово судостроения, сработанное на местной верфи прилюдными умельцами, получило имя. Молча походив вокруг него, для чего-то пнув пару раз ногой, Димка озабоченно изрек:

- Сергеич! Я думаю за скоростные качества его стоит наречь каким-нибудь древним богом. Кто там у них посыльным по божьему штабу был? Пацан такой, с крылышками?

- Гермес?

- Не... Что-нибудь... воинственно-римское.

- Меркурий?

- Во! Подойдет. Жаль только нет бутылки шампанского, чтобы по всем правилам... - и широким жестом бьет воображаемую бутылку о палубу. Часа через два с половиной, на очередном повороте лавлоя отголосок сильного шума. Встревожено рванулся вперед - не порог ли там, рыбаки предупреждали. Подтверждая тревожную догадку, неторопливый бег воды начинает ускоряться и уходит за поворот. За поворотом - зеленый островок прикрывает как раз ту часть реки, где угрожающе ревет и бснует вода.

Торопясь обойти препятствие бегу прямо по воде, через остров, И ... Ничего не вижу. Уклон кончается. Вода обретает прежнюю свою неторопливость. Грохот стоит слева, там бьется в камнях поток с расходом в четверть кубометра в секунду(*), падающий, кажется, чуть ли не из поднебесья.

Разрепающе машу рукой появившемуся экипажу "Меркурия". Но предусмотрительный капитан, мощным толчком шеста выбрасывает свою "шхуну" на мель.

"Гремящий". Какое точное название. Будто леший ухватив лист кровельной жести трясет и трясет его без передышки, укрывшись под зеленым пологом тайги, упиваясь звонкими раскатистыми звуками.

Крутой, градусов под тридцать, склон и ни малейшего признака долинки, характерной даже для меньших ручьев. Не падает же он в самом деле с горы?

Бредем по каменистой россыпи вверх по течению. Через 10 метров взгляд упирается в скалу. Да и не скала, а так - скалочка в пару метров высотой. ВСЕ!?

Из камней, кокетливо отороченных густым темно-зеленым мхом, прямо из-под ног бесшумно струится поток кристальной чистоты венецианского стекла. Мерно изливается неосязаемое нечто, превращая глыбы в своей глубине в пустынное марево раскаленных воздушных струй в жаркий летний полдень. Солнечные лучи прорываясь сквозь листву, у самой поверхности вдруг зажигают бестелесное сине-фиолетово-голубое марево сторожким облачком прикрывающее волшебную картинку.

Осязаемость, звук и прочие гремящие атрибуты, вода приобретает несколько ниже, преломив о камень свои струи вниз, к Кумышу.

Заворожено смотрим, не в силах отвести глаз. Синюшкин колодец да и только! Когда, наконец, поднимаем головы, то видим весь наш маленький отряд в сборе. Стоят зачарованные, не шелохнутся. Кто-то благоговейным шепотом спрашивает:

- Нырять будем?

- Да, - тоже почему-то шепотом отвечаю я.

Пока девочки готовят обед, приносим акваланги, шланг высокого давления, гидрокостом, веревки и еще всякие подводные мелочи.

Уже затянутый в черно-желтую резину гидрокостома, убираю камни лежащие на пути. Руки моментально стыннут, да и не шутка - вода всего +3 (одна из загадок грифона) и долго пальцы отходят на воздухе. Защитные перчатки лежат в клубе - одна из прорех в организации. Но такие мелочи нас не пугают.

Погружаюсь ногами в перед. Нужно обжаться. Пробую достать дно - метра два будет.

Но до чего прозрачна вода! Кажется можно достать любой камень, протяни только руку.

Воздух выгесненный из ног раздувает плечи и где-то сзади начинает непристойно пищать клапан стравливания. Остатки воздуха, запрокинув голову, стравливаю через ворот капюшона, черпанув-таки при этом порцию воды. Ледяные иголки впиваются в шену и грудь. Бр-р-р-р.

- "А если порвется гидра" - мелькает шальная мыслишка не из самых приятных.

Чтобы нырять нужно развернуться, для этого нужно выбраться на поверхность - ощущение такое будто всего засунули в кровососную банку. Это поролоновый утеплитель, распрямляя сжатые давлением воды ячейки, создает разрежение.

У баллонов сосредоточено стоит Дима. У его ног серебрится змея шланга. Татьяна - на сигнальном конце.

Нырять в узкий, неизвестный проход с баллонами на плечах, значит наверняка застрять. Поэтому разведочные погружения мы совершаем в шланговом варианте (баллоны и редуктор с легочником разносятся с помощью шланга).

Вроде все готово. Проверяю работу нашей системы - нормально. Пляю на стекло маски, растираю, (*) споласкиваю. Диковатый, для непосвященных ритуал, но так стекло не запотеет, сколько не сиди под водой.

Традиционно поднимаю руку испрашивая разрешения у страхующего и утверждая, что у меня полный порядок. Осторожно окунаю голову. Мановением волшебной палочки исчезает марево движущейся воды. Я среди камней, погруженных в голубоватую дымку. Делаю три резких вдоха-выдоха. Все нормально, воздух идет без задержки. Проталкиваю себя в глубь, без баллонов плавучесть слегка положительная и приходится прилагать некоторые усилия (в скученном пространстве входа точно подобрать груза не удалось).

Спиной чувствую, как карябает резину скальный выступ. С замиранием думаю: "Порвал? - Не порвал? Нормально." Отталкиваясь от потолка ногами, вливаю в покатуЮ горизонтальную галерею.

Полукруглый свод опирается на ровное галечный пляж. Ширина прохода - около метра. Высота? - если сесть, то куда-то над головой пройдет. Ртутными шариками перекачивается по потолку выдыхаемый воздух.

Из густой синевы выплывает глыба лежащая посреди прохода... Легкий рывок назад. Кончился шланг - 16 метров пройдено. Пора назад. Старюсь запомнить основные размеры хода и возвращаюсь на выход. Руки замерзли и ничего не чувствуют. Вижу как сжимаю фонарь, страховку со шлангом, а вот мышечного ощущения нагрузки нет.

Выход вызолочен снаружи солнечными лучами пробивающимися сквозь полог тайги. По камням в такт движения ветра пробегают солнечные зайчики. Течение сильное и все вокруг промыто хорошо, мути практически нет. Так, легкие пылинки танцующие в луче света в темной комнате.

На поверхности мне суют в руки кружку горячего чая, и теребят требуя подробностей. Тепло, коснувшись пальцев, вызывает мучительную ломоту. Замечаю тревогу на лицах окружающих.

Ба! Да я оказывается тихонько подвываю своему собственному рассказу. Дамы бросаются снимать с меня гидру и в порыве усердия, отрывают от манжета изрядный кусок.

Винюват маникюр. Ноготки как коготки (была такая мода). Тут же заставляем модниц избавиться от разрушительного украшения, но поздно, погружаться не в чем. Хотя для разведки достаточно и этого.

Через два дня в гром потока опять влетаются наши голоса. На этот раз с нами большая часть экспедиции. Мы привели их сюда трехчасовым маршем от устья, где вчера вечером состоялась горячая встреча с основными силами.

В составе нашей экспедиции большая часть народа прошедшая этой зимой подводную подготовку в школе аквалангистов-спасателей при городском ОСВОДе(*)

Но погружаться в пещеры будут только двое, имеющие некоторый опыт полученный в Кунгурской ледяной пещере, воклазах Губахи и пр.

В общем никто не протестует, но облачая меня в гидрокостюм, завснар горестно вздыхает:

- Хотца! - Успокаиваю его:

- Если останется воздух-- пустим. - Почему же и не пустить, опыт-то набирать где-то надо.

В этот раз погружаюсь с баллонами. Знакомая галерея, да и что тут могло измениться за два дня. До этого места позволила пройти длинна шланга. Дальше начинается неизвестная часть.

Сзади зеленеет пятно входа. Вьется страховочный конец - единственное, что связывает меня с поверхностью. Вот и глыба, которая, как мне казалось, загромождала

проход, всего-то навсего - небольшой камень. Как здорово меняются размеры в мире без привычных ориентиров. Проплываю над ней, дальше ход расширяется и плавно опускается в низ растворяясь в глубокой синеве, которую неспособен пробить луч налобного фонаря.

По тому, как закладывает уши, понимаю, что опускаюсь все глубже и глубже. Вот правый поворот и ... тут меня начинает резко тянуть обратно на выход.

Возвращаюсь, и выясняю, что я перестал отвечать на сигналы, очевидно сигнальный конец заклинило в глыбах, и все сигналы до меня просто не доходили. Страховщик встревожился и, применив силу, извлек меня на поверхность, в круг друзей, принудительно.

Все эти ; дернуть-потрясти, дернуть-потянуть два раза - для нас абсолютно не приемлемы. Нужна прямая телефонная связь. И над этим надо работать.

Парни пытаются разобрать плотину глыбового завала на выходе, чтобы понизить уровень в грифоне. Изредка из недр раздается глухое бормотание, смачное причмокивание и еще какие-то потусторонние звуки: это воздух прорывается в освободившееся от воды пространство. Кристально чистая поверхность источника становится беспокойной. Уровень ее резко колеблется. вынося на поверхность раз за разом изрядные порции муты: будто тень печали ложится на чело источника.

Жду когда успокоится поверхность. Во второе погружение со мной идет Пономарев Саша. Он на страховке, я в свободном плавании. Нас соединяет короткий (метров 6) репшнур.

Наконец уровень устанавливается на 70см. ниже исходного и уже не меняется. Выжидаю минут пять. Сейчас во мне завели склоку два чувства: острое любопытство и не менее острая жалость к своим рукам (перчаток-то нет). На стороне любопытства - сногшибательный козырь: Перцовая настойка, которой наш доктор Вера, растирает нам руки.

Грубо цыкнув, прекращаю внутренние дразги и с ехидцей спрашиваю напарника:

- Костюмчик не жмет? - Гидрокостюм размера на три больше хозяина и смотрится просто интересно. Манжеты, чтобы не пропускали воду, натянуты чуть не до локтей. На груди и спине - огромные складки. Санька весь в переживаниях это его первое погружение под землю и на меня внимания не обращает совершенно.

Тщательно осматриваю его экипировку, растолковываю порядок взаимодействия и ныряем. Изменений масса. Почти от самого входа начинается воздушный пузырь, который все увеличивается и в районе камня, можно уже сидеть в воде по пояс. Здесь поджидает напарника. Руки на воздухе не мерзнут, можно как следует осмотреться. Обнаруживаю узкий ход, ведущий вверх. С моими теперешними габаритами, сюда не протиснуться. Тут возле меня появляется голова в маске. За стеклом - расширенные глаза завснара. Он потрясен. Уступаю ему место. Сам продвигаюсь дальше. Пузырь воздуха тянется далеко, постепенно понижаясь и сливаясь с зеркалом воды. Место где мы сидим - перегиб хода, и мимо нас течет весь поток. Теперь понятно откуда срывало муть. Достаю компас, засекаю основные направления. Резко дергаю веревку, по этому сигналу, на поверхности должны сделать отметки, и поднявшись на поверхность, мы сможем построить примерный план воклоза.

Командую:

- Поплыли дальше - и замечаю, как Санька пытается вставить в рот налобный фонарь. Меня разбирает смех и в свою очередь пытаюсь осветить ему своим легочным автоматом, удивляясь и досадуя на темноту вокруг. И легочник и фонарь свисают с правого плеча.

Разбираемся со снаряжением и плывем до поворота. Здесь кончается страховка. Ухожу от Пономарева на привязи. Правый поворот. резко и круто ход уходит в низ в почти шаровой трот. Зависаю посредине. Стены сильно корродированны, будто кто-то

небольшим круглым половником выбирал отсюда известняк. Резкий левый поворот. Узкая вертикальная щель, оцетинившаяся острыми ребрами. Дальше опять грот. Протискиваться не рискую. Можно порвать гидру. Да и страховка кончилась.

Возвращаюсь обратно. За поворотом мечется изумрудный свет фонаря напарника. Беспокоится наверное. Его черный силуэт парит вдали вверху и энергично жестикулирует мне.

Выбираемся без приключений. Но еще долго идет мутная вода, да нестерпимо ноют руки.

Август 1979г.

P.S. В Гремящий мы погружались еще дважды. На следующий, 1980г. И в 1986г. За щелью оказался тупиковый грот, одна из стен которого, иссечена непроходимыми трещинами из которых и изливается поток.

Погружение 1986 года было учебным и не ставило перед собой глобальных задач.

Голубое озеро

Голубое озеро увидели в вечерней тиши 18 июля 1979г. Экспедиция по Чусовой подходила к концу. На трех плотах был пройден маршрут от поселка Кын, отснято и исследовано множество притоков и пещер. Пройден на 66 метров воклауз Гремящий.

Предпоследняя стоянка у скал (на Чусовой их зовут камни) Большие Глухие. Наш плот пришвартовался последним, часа через два после передового отряда.

Задержала маршрутная съемка на камне Шайтан. Нас встречал летописец экспедиции - Света Каргополова. Глаза ее сияли и почти что шепотом она спросила:

-А вы озеро видели!? - и столько эмоций наполняло эти четыре простеньких слова, что бросив все хлопоты по разгрузке плота на ранее прибывших, в сопровождении нетерпеливой Светы отправились на смотрины.

Озеро, метров тридцати в диаметре, уютно расположилось в котловинке, нежно притулившейся к склону, поросшему невысокими елками чутко охватившими его бирюзовый овал своей вечнозеленой оправой. Чуть ниже, зеркальное спокойствие его ломалось извивом начинающегося движения водного потока, рожаящего и мерный шум реки Большой Глухой. Ее стремительный бег, скрытый глубоким руслом сплошь прикрытым густым кустарником, обрывался метров через сто неприметной вмятиной берегового откоса Чусовой. Место слияния двух рек можно было определить лишь по бирюзовой полосе вдруг отеннившей мутные воды основного потока, постепенно истончающейся на протяжении почти двух километров, да облачком синего тумана в солнечный день прикрывающим неприметное устье.

Нам повезло. Для первой нашей встречи озеро выбрало один из лучших своих нарядов. (Мы много ныряли в нем на протяжении 8 лет, в разное время года, но ни разу не повторился наряд). Менялся цвет воды. Это мог быть и ультрамарин океанских глубин, и белизна известкового молока. Иногда, будто озлившись, недра его изливали просто грязную воду. Какого-нибудь порядка в поведении, несмотря на многочисленные посещения проследить не удалось.

Это мог быть хрусталь венецианского стекла, когда вокруг бушевали стихии и неделями не просыхала земля. А можно было в бессилии стоять у чаши полной густого глинистого раствора, хотя месяц кряду, нигде в окрестностях всего Западного Урала не выпало ни капли, и с утра до вечера сияло солнце,

Зачарованно, по тропке выходящей среди прибрежных зарослей, обходим это чудо природы, под восторженный щебет нашего проводника и оказываемся на берегу Чусовой. До нее нет и пятидесяти метров. От причалившей моторной лодки

поднимается человек пять. Расспрашиваем о озере. По всеобщему мнению - оно без дна. Отец одного из аборигенов срубил по молодости здоровенную лесину метров двадцать, но дна достичь не удалось. У другого предок связывал аж четверо вожжей и тоже дна не достиг. Цвет, по единодушному мнению такой, потому что где-то проходит вода сквозь залежи медного купороса. Былин и легенд за озером не водится. Аборигены их, по крайней мере, не знают.

Погружение решаем начать с утра, а пока перетаскиваем на озеро небольшой двухкамерный плот, экспедиционная молва окрестила его "Меркурием", закрепляем на нем сорокалитровый транспортный баллон, редуктор, шланг. Воздух из аппаратов решаем не трогать, и начальный поиск вести в шланговом варианте.

Свободно передвигающийся по поверхности плот и двадцатиметровый шланг предоставляют достаточную свободу для обследования дна и поиска входа в подземную полость. А вход должен быть большим, так как река изливающаяся из озера несет в Чусовую не менее кубометра воды в секунду.

Расклад сил такой: погружаюсь я со шлангом. Пономарев с поверхности следит за мной в комплекте №1. Дима Курочкин на плоту регулирует подачу шланга и страховки. Таня Мальцева - на берегу с аквалангом в готовности №1. Затянутые в черно-желтую резину "Садко"(*) они подтянуты и сосредоточены.

А пока мы возмись со снаряжением, подгоняем, плюем и промываем*, нас опережает Игорек. Иронически усмехаясь, мол больно долго возитесь - он раздевается до плавок и его долговязая фигура мелькает над бирюзовой гладью озера в изящном прыжке...

Когда он очутился на берегу, никто заметить не сумел. Он буквально выпал из воды, стремительно покрываясь гусиной кожей с синюшными разводами. Зубы отбивали кастаньетами фламенко - горячий испанский танец.

Удивительно, но обходится без подначек, все осознают серьезность момента. Делаем первые шаги. Необычная прозрачность воды, создает обманчивое впечатление близости дна, поэтому успеваю провалиться, что называется "с ручками", не одев маски. Отфыркиваясь, доплываю до плота. Сапа кружит рядом всегда готовый прийти на помощь.

Проверяю работу нашей техники. Дима сидит верхом на баллоне готовый подавать и страховать. Неторопливо ныряю.

Серое дно круто падающее в неизвестность. Поднятая у берега муть клубами ползет в низ. Слегка шевеля ластами парю по кругу, поглядывая на глубиномер.

3 метра. Из синевы вырастают скалы. Медленно продолжаю спуск вдоль них. 6 метров. Стена резко обрывается, уходит в сторону. Повисаю в бездне.

Оглядываюсь. Сзади клубится синим туманом склон. Прямо передо мной чернота неизвестности. Продолжаю спуск.

9 метров. Под ногами дно. Собственно это тот же склон, но если задрать голову вверх, то видно, во мгновение марево прямо над головой, карниз скалы рассекающий поле зрения на черную и светлую части. Под ногами две коряги и бревно. Уж не та ли лесина, которой мерили глубину? Спускаюсь вдоль него. Сумерки вокруг сгущаются, и мечется по дну бледно-желтый круг налобного фонаря.

12 метров. Еще одна остановка. Стен и потолка не видеть. Мой фонарь не в силах пробить окружающую темноту. Полная иллюзия огромного тоннеля метро. Набираю в руку несколько колец шланга и осторожно, с оглядкой продолжаю спуск. Прямая, делившая поверхность на светлую и черную части, сворачивается в размытое серое пятно входа, уменьшающееся с каждым метром глубины.

18 метров. Дно выполаживается и переходит в относительно ровную площадку, по левую руку обрывающуюся уступом. Место входа в пещеру, клубится облачком тумана, во тьме августовской ночи.

Все. Пора возвращаться. Даю сигнал, и меня начинают легонько подтягивать к поверхности. Неторопливо уходят в синеву уступы, полки, стены. На глубине два метра скала опрокидывается покатым склоном и я пробиваю головой зеркало поверхности всего в трех метрах от берега. Озеро теперь представляется мне огромной воронкой лежащей на боку.

Потом мы погружались еще и еще. Удалось найти проход уходящий в глубину большими ступенями. Одна из них, на глубине 25м., оказалась покрыта крупной галькой до 5-7 см. в диаметре. На миг показалось, что вынырнул в Чусовой. Но глубина и тьма? Подняв на поверхность несколько штук. При свете дня, отмытые от ила, гальки казались даже в шоколаде. Все сплошь покрыты коричневой корочкой. Расколов одну из низ - обнаружили "начинку" из розового кварцитового песчаника.

На прощанье устраиваем массовый заплыв для всех желающих, пустив на это остатки воздуха в баллонах. Забавно наблюдать, как бирюзовую поверхность озера бороздят созвездия желтых выпуклостей сгруппированных попарно: два баллона - две ягоды, два баллона - две ягоды - это новички демонстрируют решительность покорить неизведанные тайны гидрокосмоса. Глядя на горящие восторгом глаза неофитов - думаешь, "А может вот тот парень и станет подводником?".

Осень 1979года.

Осенью, этого же года, мы наловчились приезжать сюда, практически, каждый выходной. Груза надежно прятали на дне, у лежащей лесины. Всякую мелочевку - по дулам. Забросив в рюкзак пару баллонов и гидрокостом, прихватив несколько человек из сочувствующей публики, благо после памятного массового заплыва в конце экспедиции, недостатка в помощниках мы не знали, да и призом им служила возможность понырять на остатках воздуха. Загружались мы в электричку Перми - Чусовская и часов через семь, разбирали рюкзаки у вождельных берегов. Иногда нам везло, и рюкзаки ехали в попутной моторной лодке в сопровождении сладко язычного "бояна".

Выбранная тактика набегов обуславливалась отсутствием собственного малогабаритного компрессора, возможностью (спасибо к/ф Урал(*) забивать(*) баллоны воздухом высокой очистки на родном предприятии (дежурная шутка охраны: "Вы там наверное спирт несете?"), до максимально возможного давления и неумного энтузиазма постоянно подпитываемого все новыми и новыми находками в его глубинах.

В этом сезоне дальше не прошли, все силы ушли на знакомство с величественными объемами привходовой части. Да и вода выносила из недр массива то глину, то белые хлопья (собранные вместе, они напоминали мондмилх*).

Но самое главное - почувствовав вкус глубины организовалась приличная команда глубоководников: Дима Курочкин, Валера Шмырев, Шура Вотинев, Толя Даник, Володя Роднонов.

Нами было обследовано все в радиусе 70 метров от входа и до глубины 20м. Мы путешествовали под потолком, и по дну. Наблюдали жизнь непонятных нитей свисающих с потолка и разрушающихся даже от соприкосновения с поднимающимися пузырями воздуха. Обнаружили несколько расщелин уводящих на глубину, из некоторых ощутимо "дуло". Но наверное все мы ощущали свою ничтожность перед величием объекта представившего перед нами.

Лето 1982года

В этот раз Голубое озеро изливало кристально чистые воды и только в самом глубоком месте наливалось тяжелым ультрамаринном океанских глубин.

Задача нехитрая: протянуть ходовой конец (100 метровый капроновый лить 8мм в диаметре) на предельное расстояние и закрепить его. После долгих

размышлений решаю затопить в самый конец два тракторных трака, к которым через альпинистский овальный карабин закрепить конец веревки. Планируемая глубина погружения 30м. в напарниках у меня Мохунов Игорь. Его опыта хватает метров на 15, поэтому договариваемся, что он будет дожидаться меня на этой глубине перед щелью. Начав погружение на десять минут позже, он подстрахует меня и будет живым резервом при моем возвращении.

Начало не предвещало неожиданностей. Легко и просто достигаю глубины 12м. Здесь лежит затопленный сорокатиновый транспортный баллон. За его горловину (за вентиль) вяжу начало ходового конца. Транспортник служит якорем и промежуточной точкой на пути с поверхности. Дальше начались мелкие проблемы: изрядный груз (больше 20кг.) вынуждает передвигаться по дну, одновременно надо следить и за натяжением веревки, чтобы не было слабины. Более-менее благополучно прохожу щель. И тут аккуратенькая бухта веревки начинает разваливаться.

Через минуту вокруг меня плавают петли, кольца, "восьмерки". Сражаясь с переменным успехом с этими "лаоконовыми змеями" достигаю глубины 30м. Еще метров 20 по горизонтали и моя миссия закончится, как вдруг, что-то крепко цепляет меня и не дает двигаться вперед. Отпускаю траки на дно и пытаюсь разобраться в ситуации. Петля захлестнулась где-то на аваланге, руками достать не могу, приходится снимать баллоны, но в поднятой мути ничего не вижу. Всплываю в чистый слой: все ясно. Каким-то образом веревка попала в кольцо включателя резерва (за спиной у меня Украина-2 забитая до 200 атмосфер), где и затянулась незатейливым "бабским" узелком. Поскольку все усилия были направлены перпендикулярно направлению тяги, то резерв даже не включился, несмотря на то, что кольцо прилично (на целую треть!) разогнуто. Одеваю баллоны на плечи и делаю непростительную глупость: медленно погружаясь во взбалмученную воду, отстегиваю страховочный ус от ходового конца (мне кажется, что так проще выпутаться) и тут же теряю его. "Спокойно" - командую сам себе. Лихорадочно пытаюсь найти пропажу, а тут еще срабатывает резерв. Воздух, доселе спокойно омывающий легкие, теперь у трудом находит путь к альвеолам.

На поясище разливается огнем пятно, будто кто поставил стакан горячего чаю, а внутренний голос (и откуда только взялся, до этого ни разу не общался) заинтересовано так произносит: "Ну писец тебе Евдокимов".

Автоматически дергаю за кольцо резерва и подвсплываю наверх. Сразу с "дышалкой" все налаживается, вот только "рвать" отсюда нужно немедленно. А куда? Моя нить Ариадны где-то там, на дне.

А там, внизу, клубится взмученный ил, по сторонам расходятся стены прохода. Кажется они сужаются к низу. Значит ходовик там. Растопырив руки падаю обратно в муть. Есть! Вот он родимый! Нахожу на ощупь свободный конец и немедленно начинаю тянуть его помогая себе ластами. Но видно адреналиничку мне сегодня судьба не додала - тут же кончается и опущенный мне резерв. Нехотя, словно цедя сквозь зубы, редуктор по капле начинает отпускать мне остатки - один вдох... второй... А я тяну и тяну ходовик. Уменьшающаяся глубина дарит мне еще глоток воздуха, за глотком - глоток.

25м - выдох, медленный вдох; мелькает галечный участок,

20м - выдох... вдох; ходовой конец теряется среди уступов, но это просто: подвсплывать, изогнуться, теперь сюда и дальше опять по просторному ходу.

18м - во мраке парит Мохунов, изумленно тарашит сквозь маску глаза на невиданное зрелище: несется человек, будто грешник удирает из преисподней, сбитая каска тащится на привязи шнура налобника. Объясняться времени нет.

Обхожу его и с очередным вдохом - выдохом уже на двенадцати метрах. Удивительно, но успеваю контролировать скорость подъема, иду не обгоняя воздушных

пузырей (ситуация мной контролируется, хотя грудь и рвет удушьё, но только баротравмы(*) легких мне сейчас и не хватало), на выдохе.

9 метров - кажется баллоны уже вывернуты наизнанку, но один неполный вдох сделать мне удается. Надо мной светлеющий свод поверхности и я из последних сил пробиваюсь к ней: главное теперь для меня, не сделать первого вдоха не пробив головой водную гладь. (Во будет смеху: - захлебнуться в полуметре от поверхности. Обхохочешся).

Все!!! Судорожно глотаю полной грудью драгоценный воздух. Здесь его: ешь - не хочу.

На поверхности - мирная картина: не торопясь плавает плот, удобно облокотившись на камеру сидит в "полном боевом" Дима Курочкин, ярко светит солнышко, жизнь хороша и жить хорошо.

Отплывываясь, на боку, доплываю до берега. Мне привычно помогают выбраться на берег и хронометрист изрекает:

- Время погружения 19 минут.

Н-да. А говорят, что вспоминается вся жизнь.

Почти сразу, только отдышавшись и осмотревшись, забираю новые баллоны и ухожу доделывать работу. Самочувствие отличное, и всего 12 минут мне требуется чтобы обтянуть ходовой конец, выбрать слабинку, перенести траки до конечной точки.

Поньш. Ноябрь 1979 года

Летом 1978года, перед экспедицией на Каскадную, решено было неделю отдать поиску на Поньше. Группа из пяти человек четыре дня занимались поиском новых и привязкой старых пещер. Лагерь разбили на обдуваемом ветрами мыске, что на крутом повороте Поньша, напротив входа в Чудесницу. В один из дней и обнаружили пещеру Поньшскую. Буквально споткнулись о тоненький ручеечек, что впадал в Поньш на противоположном от лагеря берегу, что называется в трех шагах. Пробежав с десятком метров по поверхности, он исчез под невысокой замшелой скалкой, поднявшись на которую обнаружили наклонную шести метровую расщелину и озерцо сифона на дне.

Из Сифона торчал... дюритовый шланг на полтора дюйма в диаметре. Стало понятно, что свой привет оставил Сыропятов Володя, лысьвенский энтузиаст-спелеолог - в одном из писем описывающий зимнюю эпопею по откачке воды из сифона ручным насосом.

С собой у нас были маски и один гидрокостюм. Попытки ныряния не дали ничего. Ход под водой сужался до полуметра и был занесен мелким песком и галькой. Шланг уходил в эту пробку и не поддавался попыткам достать его.

С собой у нас были маски и один гидрокостюм. Попытки ныряния не дали ничего. Ход под водой сужался до полуметра и был занесен мелким песком и галькой. Шланг уходил в эту пробку и не поддавался попыткам достать его. Вода, идеально чистая, становилась абсолютно непрозрачной после первых же секунд погружения. Впрочем мы и не рассчитывали на результат, для первого раза нужно было просто определиться. Первую попытку погружения с аквалангами предприняли в ноябре этого же года. Осень стояла на диво теплая, несмотря на то, что первый снег выпал, как и положено для Перми, в первых числах октября. Но потом все наладилось и на праздники сияло солнышко и было стабильных +5 градусов. В Чусовскую электричку загружались большой дружной компанией предвкушающей замечательную неделю на лоне природы. В последний момент к нам присоединяется десяток представительниц прекрасной половины под руководством Котова Виктора Ивановича – старшего инструктора

городского туристского клуба "Компас". Это его отделение "Школы руководителей путешествий" и им "интересно посмотреть на спелеологов вблизи". Ну как назовет простой советский спелеолог такую компанию? Конечно "ГАРЕМ".

Человек предполагает...

В Комарихинской пошел дождь со снегом.

Папшия встретила снегом и дождем.

Пока дожидались автобуса на Кусье-Александровский, шел снег без дождя а температура резво перешагнула нулевую отметку и останавливаться на достигнутом похоже не собиралась. Автобус доставил нас в Кусье по расписанию. Короткие переговоры с водителем принесли положительный результат и ПАЗИК повез нас дальше - до Усть-Койвы.

Дорога стремительно леденела. Снежная каша превращалась в свежий бетон и уже на горе поняли мы, что транспорт лучше отправить обратно, простая Российская колея приобретала железобетонный характер. Прекрасное большинство решено было отправить пешим порядком в дальнейший путь, мужественное меньшинство осталось для такелажных работ (автобус необходимо было достать из колеи, развернуть в обратную сторону и установить обратно в колею).

С помощью четырех ваг, семи подкладок, восьми мужиков и известной матери поставленная задача была выполнена всего минут за сорок и мы расстались к обоюдному удовольствию. ПАЗ - поручил в родной гараж, мужественная восьмёрка, взгромоздив рюкзаки на «широки плечи», резво затрусили под горку к Чусовой. Свою принадлежность к миру сильных продемонстрировать друг - другу удавалось минут двадцать. Ровно через столько нас настиг Усть-Койвенский КАБЗ с бесстрашием простого вездехода штурмующего Уральские хляби. Уговаривать нас долго не пришлось и мы загрузились в его теплое нутро.

Это был не автобус. Под натужный рев мотора мы бросались в огромные лужи, бесстрашно погружаясь чуть ли не с капотом, решительно раздвигая шуту и появившиеся льдины. Иногда казалась: ну все, не вылазить, но наш дредноуд сдвинулся назад, разогнался и брал очередной барьер. Не прошло и четверти часа, как мы настигли лучшее свое большинство, почти на ходу произвели рокировку (дамы в салон, мужики на природу) и переходя на легкую рысь бросились в след за ускользящими габаритными огнями. Еще минут через двадцать мы занимали плацкартные места в котельной местного клуба, куда нас запустил довольный истопник (не надо ночь дежурить). Плотный ночной перекус, тепло... В общем из котельной выступили нестройной походной колонной только около одиннадцати часов утра.

Через Чусовую переправляемся по временному мосту. Дорога поднимается немного в гору и дальше практически незаметно вниз под уклон пять километров до Поньша по свежесвалившему пушистому снегу. Очередную водную преграду (р.Поньш) преодолеваем в брод, по щиколотку в воде. Большинство из нас в резиновых сапогах, и только "котовский гарем", предусмотрительно обут в валенки. Его ("гарем") переводим под беды рученьки по бревну переброшенному с берега на берег.

Пятьсот метров в верх по течению и мы у места предполагаемого бивака. Оставшиеся светлые часы занимаемся благоустройством, заготовкой дров и прочими привычными бытовыми делами. "Гарем" взирает на нас с хорошо заметным изумлением.

Наша обстоятельность в обустройстве базового лагеря их явно смущает.

Вечером появляются гости. Компания туристов завода им.Ленина. Они тут второй день и откровенно удивлены нашим скорым появлением. Отправляем одну группу в Большую Поньшскую пещеру, а сами тянем связь через Поньш и готовимся к погружению. Планируя прохождение сифона, сделали самодельную зимнюю маску из противогазной, завели в нее микрофонный капсульт (ДЭМШ), слегка усовершенствовали телефонный аппарат. Но гидрокостомы тогда были только "Тегур". Из аппаратов были

только АВМ-1м. Модификация их под "Украину - 2" не состоялась в виду неточностей чертежей. Это и не дало возможности пройти сифон.

Желто-зеленое зеркало сифона. Два бревна поперек. Хрустальная корочка льда по краям. Осторожно, чтобы не замутив воду сползаю вниз. Стены - как кирпичная кладка старого подвала.

Опускаюсь ниже и ниже. Вот и окно на другую сторону. Связь работает как на поверхности, вот только голос приобретает пискавый тембр. Меня окутывает облако мути, догнавшее таки меня, и все дальнейшие попытки протиснуться совершаю в плотном илстом тумане. Система получилась слишком громоздкая и протиснуться не удается.

Следом совершают свои попытки Саша Вотнинов и Валера Шмырев. Безр-е-зу-л-ь-тат-но.

Результат получаем только в 1980г. Погружение не оставляет никаких эмоций. Шланг протаскиваем спокойно. Ход оканчивающийся очередным сифоном.

Погружаемся в него уже с "Украинной-2". Пятиметровая глубина - скромные габариты. Через пятнадцать метров выход на поверхность и очередной сифон. Погрузится в него удалось на 15 метров, но выхода не нашл.

Последний раз погружались вместе с участниками Всесоюзного семинара спелеоподводников летом 1983г.

Год 1980

СЕЗОН 1980 года получался в секции напряженным. Всю весну проводили школу начинающего спелеолога; майские праздники посвятили традиционному спелеолагерю первого года обучения; потом экспедиция на Сумган, потом две экспедиции по Чусовой, потом Бзыбь ждала нас; а после Бзыби, приглашали нас в Крым, на Карадаг понырять с аквалангами. Столь плотная программа сказалась и на составе экспедиции, ехали в основном те, у кого после Чусовой, приоритет которой в этом году безусловен, еще были возможности.

Это подразумевало наличие денег, снаряжения и времени. Вот с последним, в те времена, было всегда хуже чем с первым. В застойные годы, настоящему, действующему "профи" от спелеологии, для удовлетворения своих насущных (и быстро растущих – заметим прямо) нужд предоставляемого раз в год профсоюзного отпуска из 15 рабочих дней (до сих пор не могу понять почему работали 5 дней в неделю, а для отпусков считали 6 дней в неделю? Объяснения ВЦСПС?1 Но объяснить можно все - понять нельзя.) было явно не достаточно. (Замечу тут же, что в пору расцвета спелеолог делает не меньше пяти серьезных акций в год, не считая простых, трех-четырех дневных мероприятий). Частые отлучки, сопровождаемые рассказами, что вот де все это за свои кровные, наводили родную администрацию на тяжелые размышления: то - ли плурует, то - ли пьет запоем. Худшие опасения касались, очевидно, самых темных глубин человеческих: благонадежности.

Отпускали крайне не охотно, под постоянной угрозой увольнений и прочих прелестей административно-командной системы. И вот, однажды, совершая очередной обход лиц вольных решить мою судьбу, перед очередной экспедицией, дней этак на 40, натякаюсь на прямой, что называется - "в лоб", вопрос своего непосредственного начальника.

---

¹ Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов.

- Что ты с этого иметь будешь? – И я начинаю привычно рассказывать, как всегда, голую правду:

- Крым. Каскадная. Все за свой счет. Может быть дойдем до 500 метров...(это после тысячи, два года назад, на Киевской) - Вижу не верит ни одному моему слову. Хмурое, скучающее лицо шефа не выражает ничего кроме усталого брезгливого отворачивания к старой, бездарной лжи². И тут меня словно под дых ткнуло. Закончил я уже свистящим полупшепотом:

- Ты мне за полтора месяца две тысячи дашь? - (напомню читателю, что это годовой заработок электрика 6 разряда в те годы). Чело босса будто утюжком разгладили:

- Что делать будете? - спросил делово, будто в компаньоны проситься собирался.

- Да так, пустяки. Будем устанавливать антенны... Сверхдлинного диапазона... Для связи с подводными лодками, на всем земном шаре... В пещерах...- Вся эта ахинея сама собой, толчками рождалась в моем мозгу.

- Ну ладно, ладно. - предостерегающе замахал руками - Приедешь - расскажешь. - Все бумаги были подписаны тут же. Обратно привез ужасные рассказы, про прокладку кабелей в недрах Крымских гор, да пару литров «Кальвадоса» («Кальвадос» шеф не одобрил –«Мог бы и марочного коньячку пригаванить») - упрекнул меня он, намекая на «бешенные заработки» установщика антен). В дальнейшем, лет семь "вынужден" был ездить неоднократно на профилактику и регламентные работы "на сложном антенном хозяйстве". Впрочем, в те годы, начальство, очевидно чувствуя мизерность наших заработков спокойно отпускало многих на нормальные «шабашки», просто подзаработать.

Август. 1981год.

Бзыбь, уже традиционно, у нас начинается после Чусовой. Практически половина экспедиции едет (летит самолетом) на Кавказ после сплава.

В последний момент, вспоминаю про сковороду обещанную Дяде Васе (Васин Василий Иосифович - бессменный завхоз Крымчаков вот уже много лет), ее так и не погрузили в поезд по причине банальнейшего ее отсутствия в секционной «шмырвке»³.

Наш завхоз выделяет деньги и “специально обученные люди” командированы до ближайшего хоз. магазина с поручением приобрести что-нибудь вменяемое и алюминиевое, лететь то самолетом.

Через 15 минут на столе появляется, глянцево поблескивая эмалированными зелеными боками, вменяемый так противень с крышкой, но ЧУГУННЫЙ(!), весом ни как не мене десяти килограмм...

- Слов нет, одни слюни – комментирует мое состояние кто-то из провожающих.

- Ведь на нем очень хорошо жарить, мама говорила – скандально оправдываются посланцы. – «А как же! Кто спорит... Но его еще и самолетом везти» мрачно думаю я обречёно заталкивая покупку поглубже в кладовку.

Черт с ним, путь лежит дома, чем переть такую тяжесть.

Как я был наивен.

...На поляне у эстакады, на озеро Ршца, нас собирается 15 человек.

---

² Помните фильм «Неисправимый лгун» с Вициным в главной роли. В правду не верит никто, вранье почему-то воспринимается спокойно

³ Производное от фамилии секционного завснара Шмырева Валеры. А вообще это парадоксы социалистического планирования, на этот раз в Крыму пропали сковородки.

День проходит в ожидании вертолета и Остьянова Валентина, моего львовского друга.

Чтобы не терять время, перебираем и переупаковываем вещи перед заброской, и тут обнаруживаю тот самый противень, что бросил в Перми, в секционной кладовке. Его зеленые бока ядовито дразнят меня девственной чистотой эмали. Вопрос «Кто?» – глуповато повисает среди окрестных гор, не вызывая даже малосенького эха. «Находчивые» смиренно отводят взгляды. Сестра одного из «злодеев» - вполголоса, но весьма напористо, доводит до моего сведения, что не гоже де мне измываться над ребятами. Это надо еще посмотреть, кто и над кем издевается. Но ведь и за перегруз платили! Пять рублей сумма невелика, да и мы не Крезы. Тащить на верх десять лишних килограмм? Ну уж нет! И выбрав момент, когда никто на меня не обращает внимания (так по крайней мере мне кажется), я тихонько зашхиваю зелёную эту чугуныку в чашу ежевики, что в изобилии покрывает склоны эстакады.

После обеда появляется Валентин Остьянов с дочерью Иришкой.

Под вечер раздаётся вопль – “Вертолет летит!” – Выскакиваем из палаток, лихорадочно выпскивая в небе винтокрылую машину и соображая, что грузить в первую очередь...

Машины нет. По поляне «рассекает» один из находчивых, вращая над головой огромную бамбуковую палку(метров пять длинной) и во всю силу своей дури и легких воспроизводя характерное тараканье Ми-4...

У меня нет даже слоней.

Заброску описывать не буду. Но дня через два, уже в базовом лагере Экспедиции вижу противень среди прочего кухонного оборудования. Обречённо машу рукой, и так проблем много.

Проходит две недели.

Конец экспедиции. Из-за несогласованности действий со смежниками сбрасывать нам немерянное количество барахла. Не спасает даже ишпак которого Остьяныч все-таки умудряется выторговать у аборигенов.

Их предводитель (в низу, у моря, таких представителей сильного пола называют «метр с кепкой», где пресловутая «кепка» - неременный символ горской гордости размеров неимоверных, никак не меньше средней величины сельский аэродром для Мимино), в широченных галифе(Гоголь и его запорожцы строем бегут топиться в водах Бзыби от горя) еще вчера битый час азартно доказывал мне, что денег у нас куры не клюют, поэтому двести метров веревки за решение части наших транспортных проблем (один ишпак в аренду на сутки с проводжатым) - цена умеренная. Как я понимаю, столь глубокие знания финансовых возможностей наших тощих кошелечков – результат отвальной устроенной вожачками предшественников, щедро мусоривших дензнаками за столь дефицитную на такой высоте огненную воду.

Тем не менее результат дипломатических способностей Валентина прядет ушами перед нами за вполне умеренные 30 метров новой веревки.

Для решения оставшихся проблем, принимаю волевое решение и многое прячем на дне неприметной пещерки уже давно и неоднократно отмаркированной разными экспедициями. Оставляем и не пригодившийся трос, густо полив его остатками подсолнечного масла. Засовываю в этот же тук и злополучный противень.

Уф! Теперь то избавился от него.

О святая наивность! Дома, разбирая в клубе снаряжение, вновь "любуюсь" его зелеными эмалированными боками. Это уже похоже на издевательство. Кто его пригатаил остается не выясненным до сих пор.

18. августа 1981 года

Провода от входа в дыру до лагеря не хватает, поэтому для дежурных на телефоне поставлена палатка в трех метрах от входной воронки.

Сегодня моя очередь дежурить. Под землей, уже третий день, работают четыре человека: Саша Вотинков, Валентин Остьянов, Володя Ощепков и Саша Поздеев.

В обед, они вышли из ПБЛ4. Чуть позже, перешагнули отметку достигнутую нашими предшественниками (470м.) и сейчас каждый их шаг, это шаг в неизвестное.

С полчаса назад, стемнело. И как по воле недоброго колдуна, все резко переменялось вокруг.

Перкалевая стенка палатки прогнулась и дрожит под напором студеного ветра сорвавшегося с вершин Бзыбского хребта. Холодно, колючими льдинками мерцают безразличные звезды. Темные громады гор угадываются только по непроглядной, без единого проблеска, темени. Разоряются собаки у дальнего коша.

Крошечный огонек свечи не в силах придать уют нашему пристанищу. У меня гости - Нурзия привела Иринку Остьянову (та желает услышать папу).

Утро в ярких солнечных лучах, ласкающей кожу ветерок, иссушенные зноем склоны, с очевидностью опровергали саму мысль о необходимости теплой куртки. Теперь мерзну отчаянно в ожидании ночной смены. Только цикадам – кажется все равно. Оглушающе трещат себе в мощных зарослях колючки, заглушая мерные шорохи и потрескивание пополам с музыкой, волнующей мелодией льющейся из динамика телефонного аппарата.

Черный провод от клемм его, обвивая стойку палатки, поднимается к коньку «серебрянки» и через неприметное отверстие выходит наружу, растворяясь в ночной мгле.

Если, в попытке проследить путь которым он следует, взять его рукой, то, всего в трех метрах уткнешься в россыпь белесых известковых глыб слагающих борта миниатюрной карстовой воронки, в расщелинах которой исчезает его второй конец. Это вход в Пещеру. Пробежав по ней почти двести метров невероятно узкой, грязной и путанной галереи, ныряет в большой стометровый колодец, на дне которого цепляется за вбитый специально крюк, перемахивает через уступ и практически без перерыва начинает отсчитывать колодцы: сто, пятьдесят, сорок, двадцать пять, тридцать, шестьдесят и опять сто.

И вот завал. Огромные глыбы свалены в первобытном Хаосе. Струйки воды сочатся по стенам. Множество лазов и щелей, и не понять куда идти. Именно сюда приходит второй конец кабеля торчащий из катушки с изрядным еще его запасом.

Уже несколько часов наша четверка ищет здесь продолжение, изредка сообщая нам малоутешительные результаты.

Все мы хотим пройти как можно глубже.

По соседству, всего километрах в четырех по прямой (ох как обманчивы и коварны в горах эти прямые), Красноярцы подбираются к километровой отметке в пропасти Напра. А южнее - грандиозная Снежная, где команда Усикова – Морозова не первый сезон предпринимают попытки побить мировой рекорд глубины (в описываемое время равный 1458 м.) и уже достигли 1380 метров.

Наш результат много скромнее, мы работаем в пропасти четвертой в стране перешагнувшей пятисотметровый рубеж. И мы не теряем надежды. Сделали это наши предшественники. Нам теперь, как пишут в передовицах, развивать и углублять достигнутое. Впрочем углублять получится не очень. Из-за всей неразберихи, у нас всего

---

⁴ПБЛ – подземный базовый лагерь.

⁵ Потом их «разобьют» на уступы по мельче, но сейчас, в момент первопрохождения, они именно такие.

полторы сотни метров свободной веревки. Еще до темноты, на связь выходил Шура. Был лаконичен. Подземное житие не способствует болтовне по телефону.

- Проход нашли. Жуткая сыпуха, но мы попробуем обойти это место по стенке, чтобы навесить веревки в безопасном месте. – Я зримо представляю, что это значит часа два напряженной работы в условиях называемых Экстремальными. В промозглой тьме. Под морозящей капелью. Это значит - свесившись над бездной, где не бывал до тебя еще никто в целом мире, до одури, до ломоты в руках бить и бить молотком по шлямбуру, чтобы заколотив в скалу расширяющийся крюк, продвинуться всего на один только шаг и опять все с начала.

До следующего шага. До облюбованного тобой места, где можно остановиться, передохнуть пока тебе подают веревку. Закрепить ее. Начать спуск. В НЕВЕДОМОЕ.

Было это часа три назад. И теперь сижу в ожидании, боясь сплутнуть удачу.

Неведомые токи, блуждающие в земных недрах пройдя сквозь нашу аппаратуру, колеблют мембрану телефона голосом Аллы Пугачевой:

- Все могут короли, все могут короли!...

- А ничего они на могут. Их сюда и десятком принцесс не заманишь. Не зря аборигены говорят: «дай миллион, не полезу» – лениво ворочаются мысли. И подтверждая их неспешный ход:

- ...Не может ни один, ни один король! – металлически дребезжит трубка.

Шорохи из аппарата приобретают особенный оттенок, прерывая грустные размышления.

- Прошли колодец. – устало рапортует Шура. – Он всего двадцать метров. появился ручей. С полсотни метров прошли по белоснежному коридору. Спустились в сорока метровый колодец. Прошли метров десять и перед очередным колодцем... - где то там, в невообразимой дали, сквозь надрывное «Арлекино, Арлекино – нужно быть смешным для всех...» – доносится тяжелое дыхание – У нас кончилось снаряжение. – бесцветно заканчивает он.

- Есть предложение – выходить. – это Валентин. Тут уж трубкой завладевает дочь и папе остается только вяло оправдываться, что на столько дней спрятался так далеко.

Прошу, могу только просить, приказывать просто не имею права:

- Поднимите снаряжение, как можно выше. - В лагере осталось одиннадцать человек, считая и детей. Украинский семинар свою работу закончил три дня назад

- Хорошо, мы посмотрим.

Но проходит еще долгих два дня, прежде чем измазанные их лица предстанут пред наши очи во свете дня.б

ОГОНЬ, ВОДА И МЕДНЫЕ ТРУБЫ.

(несколько моментов из жизни не длинного спелеолагеря)

Раннее утро солнечного 8 июля 1999 года.

До городского клуба, наша семейная часть лагеря (я, жена Тамара, дочь Ярослава), добираемся без приключений на трамвае. В клубе сонная Лысьва и пару живых пермяков во главе с Старой. Время около семи.

Потом приходит автобус, потом приходит Попова, и мы начинаем грузиться. Потом долго мы стоим, а Попова по городу мотается, на Пухе (вы правильно поняли, на пуховской машине, а не верхом).

---

⁶ Цитата из моего экспедиционного дневника.

С трудом, но трогаемся - девять утра.

Автобус петляет по улочкам города, вытянувшимся вдоль Камы и горнозаводской ветки ж-д., с видимой натугой, как больной человек, который тащит обычный, для здорового, груз обливаясь потом, задыхаясь и капляя. Гоню мысль, что все время зудит надоедливый гнусом: «Что-то давно мы без поломок на автобусах разьежаем. По закону распределения подлости как бы чего не случилось.»

***

Ну вот, накаркал. Едва перебравшись через Чусовской мост, трудно вскарабкались по пологому склону на ровное место, мотор кашлянув для порядка раз двадцать – заглох окончательно. Водила прижимает автобус к обочине и не торопясь лезет ему в «кишки». Не торопясь бреду к лесочку и я, по своим делам. Не торопясь возвращаюсь к машине. Не торопясь предлагаю свою помощь. Не торопясь возвращаюсь к двери, где кучкуются женщины, сразу же приступившие к выяснению вопроса о том, - а стоит ли заголяться с целью принятия загара? Я полагаю, что не стоит, так как обещано через четверть часа продолжить движение в северном направлении.

Трогаемся минут через тридцать пять. («Пришлось переставлять бобину, так как провода были в натяг, и от тряски выпадали из трамблера»). Следующие десять минут движемся не очень уверенно: мотор с трудом вытягивает даже некрутые подъемы. Проезжаем Полазну и уже на выезде из города, едва оставив справа церковь, на подъеме глохнем второй раз. Поскольку последние полчаса тревожное чувство во мне только усиливается, то успеваю выскочить из салона, найти два подходящих камня и засунуть их под колеса, пока водила жмет на тормоза (ручник, ясно дело, машину на склоне не держит). С третьей или четвертой попытки мотор схватывает и нехотя тащит нашу развалюху в гору. В кабину заскакиваю на ходу.

Некоторое время (отъехали километров на десять) движемся довольно спокойно. Потом на задворках возникает суета и чей то голос требует остановиться - сильно пахнет паленым.

Машина сворачивает к обочине и довольно резко тормозит.

Оглядываюсь.

Под крышей салона автобуса прокатывается нечто серое, мохнатое. Ударившись в лобовое стекло «это» превращается в банальнейший клуб дыма. - «Горим!» взрабой кричат одновременно несколько голосов.

В салоне огня нет. Тянутся из-за груды рюкзаков тоненькие струйки дыма. Протискиваюсь на выход, выглядываю из двери. Ага! Корма автобуса окутана сизыми клубами. Из воздухозаборника моторного отсека, весёлыми четренями пырившимися на волю, скачут завораживающе оранжевые язычки огня. Дюжина шагов бегом вдоль борта. Водитель уже здесь, открывает люк... С ликующим ревом из отсека на волю вырывается пламя. А как же, свежего кислорода на растопку подкинули. Успеваю разглядеть, что эпицентр «огневого веселья» у правого борта Падают крышка люка. Занавес опускается... Дюжина шагов к кабине. Где то у входа закреплен огнетушитель. Вырываю красный баллон из гнезда. Глухо рвется удерживающая его проволока. Дюжина шагов обратно. На ходу отлепляю куски черной изоляцией прижимающей ручку. Рву... Обломки ее вываливаются на землю, Изолента, оказывается, скрепляла их в единое целое придавая вполне исправный вид. Ошметками оставшимися в руках еще пытаюсь подцепить скобу, что в глубине крышки, а ноги отсчитывают очередную дюжину шагов к кабине – где в проходе, помнится, стоит дюралевая десятилитровая канистра с питьевой водой. На ходу откручиваю пробку, сую ее кому-то в руки. Народ начинает понемногу («не создавая паники») освобождать салон. Все, я на исходной позиции. Водила уже в верхонках. Командую –«Давай!» Люк открывается и я плещу из горловины в середину багрового цветка на встречу взметнувшимся хищным его лепесткам. Раз... Другой... Третий... «На тебе! Охолонь малость». Руки больше не терпят

жара, и повинаясь моей команде крышка занимает исходное положение. Будто в отместку, на скругленной поверхности воздухозаборника быстро располагается коричневое пятно, мгновенно чернеет, и взрывается порослью оранжевых лепестков. Горит краска. Полное ощущение, что огонь пророс сквозь металл. Пару порций воды на пятно «Ага! Не нравится! Шипишь. Ну что ж, продолжим водные процедуры». Крышка в верх, и пока терпят руки, плещу в нутро, в качестве променада - на борт. Внутрь... На борт... Еще раз... И еще. Огонь распадается на несколько частей, и воевать с ними значительно проще...

Ну вот вроде и все. Клубы пара. Шипение, тонкие завиточки дыма. Оглядываюсь. Ого! Оказывается прибыло подкрепление. Сзади стоит три легковушки, их хозяева с красными баллонами наперевес готовы сменить уставших бойцов, а через дорогу, от тормознувшего «Запорожца» спешит симпатичный дедуля с баллончиком миниатюрного огнетушителя в протянутой руке: «Ребята, вам не надо?» Устало улыбаюсь. «Спасибо мужики, вроде справились сами» (с чего вдруг устал, по внутренним часам не прошло и минуты.) Потом еще с пол часа караулим случайны и неслучайные дымки, плеская для острстки остатками воды в подозрительные места.

Теперь можно осмотреться. Стоим в 10 метрах за километровым столбом шоссе Пермь – Березники, 53 километр едва проехали.

16 часов спуска

Из Березников выбираемся в 9 июля (в полночь), прикупив таки в попавшемся по дороге гастрономе недостающую тушенку. Водитель крутит баранку, магнитофон «крутит» Митина. Мокрое шоссе, послегрозовые сумерки середины июльской ночи, неудобное автобусное кресло мало располагают к спокойному отдыху. Однако день был насыщенный событиями и тяжело задремываю еще на пол пути к Соликамску.

Резкий толчок врывается в усталую полудрему. Лениво приоткрываю глаза: - Темно. Чудна'я колесница с огромной скоростью несется в искривленном пространстве, угрожающе скрипит и подпрыгивая на его неровностях, призрачные тени, за занавесками, скачут в бесформенном танце, то проваливаясь в неверную мглу, то выныривая в холодных отблесках уральской белой ночи. Далеко впереди, правее и выше, льдисто громоздятся мрачные глыбы грозových облаков. Чуть левее, прямо за кресельными силуэтами, на слепящем фоне сигнальных огней командирского пульта - черные тени голов, невнятный зуд восторженных голосов охваченных азартом безумной погонни. За чуть теплящимся лобовым стеклом в ужасе мечется корявая лента пути, норовя вырваться из всепоглощающей пасти нашего вместилища, то ныряя в подворачивающиеся скопления абсолютно непроницаемого ослепительно молочного тумана, то взбираясь на пригорки и горушки, то проваливаясь в темноугольные пади. Тщетно... Всполашено разлетаются по сторонам из под колес блески какофотов дорожной оградь, тяжело пересекают путь мрачные тени неведомых птиц. Из очередного туманного ступка вываливается безмолвная фигура велосипедиста с огромным мешком за спиной, уверенно педалирующего невидимые колеса. Редкая тайга, проросшая сквозь тьму бесформенных пятен, вплотную подступает к самым занавескам.

- Может можно потише ехать? – неожиданно звучит робкий голос.

- Да нет! Ты что? Хорошо ведь идем! – азартно отвечает одна из фигур у пульты.

Повинаясь магин человеческого голоса, недвижно замирает полотно дороги, вытянулось в струнку, уплотнилось. Дисциплинированно взяла на караул столбики ограждения, прочертив сходящимися в бесконечности рядами серебряных многоотчий

восходящую дугу траектории нашего пути... Траектория эта плавно приподнималась над лесом. Выше... Ещё... Ещё... Дальние столбики вопреки всем законам перспективы, вдруг резко шагнули в высь, кокетливо склонив нам навстречу свои головки. Дорога возносится уже над вершинами елей и где то впереди явственно обрывается в неизвестность.

- «Да это ж стартовая эстакада!...» – испуганно скачет в бездну запоздалая и единственная, за последние пол часа, мысль...

Выхваченная светом фар, синим сполохом справа мелькает пятно дорожного знака: «р. ВИШЕРА».

Наважение пропадает. Остается новый Вишерский мост, с двумя рядами фонарей, зыбкая предутренняя гладь реки с неровными пятнами рыбацких лодок, изрезанные сумрачным предутренным зеркалом застывшей воды, берега. Причудливые космы тумана, вязко заползающего во все ложбины и вмятины прибрежного рельефа. Редкие огоньки далекой деревушки. Темные безмолвные дома на том берегу. Спертая духота ЛЛЗа, знакомые фигуры членов нашей команды

Просыпаюсь окончательно.

(Продолжение следует)

В печать подписал - 14 сентября 2005года
Ваш Сергей Евдокимов